

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Стригунов Константин Сергеевич

**Особенности современных неклассических войн:
формы, методы, технологии**

Специальность 5.5.4. Международные отношения,
глобальные и региональные исследования

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата политических наук

Москва – 2023

Работа выполнена на кафедре сравнительной политологии факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

- Научный руководитель** – *Манойло Андрей Викторович – доктор политических наук, с.н.с.*
- Официальные оппоненты** – *Бочарников Игорь Валентинович – доктор политических наук, доцент, руководитель АНО «Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности»*
- Краско Геннадий Геннадьевич – доктор исторических наук, доцент, заместитель начальника Академии национальной безопасности Республики Беларусь по научной работе*
- Васецова Елена Сергеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Востока факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова*

Защита диссертации состоится «18» мая 2023 г. в 12 часов 00 минут на заседании диссертационного совета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова МГУ.055.3 по адресу: 119234, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, МГУ, корпус «Шуваловский», ауд. Г-630.

E-mail: dissovet.msu@mail.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27), а также на сайте: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/055.3/2448>

Автореферат разослан «__» апреля 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета МГУ.055.3,
кандидат политических наук

О.В. Столетов

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в новейшее время использование технологий «цветных революций», а также гибридных войн и других форм неклассических войн является неотъемлемой составляющей международных процессов, представляя собой фундаментальную угрозу национальной безопасности для любого государства, в том числе и прежде всего – России.

Во-первых, в условиях нарастающей глобальной неопределенности, трансформации и разбалансировки системы международных отношений возникают новые формы и методы вооруженной борьбы, заметно отличающиеся от классических аналогов и канонов. Так, в классической войне для достижения целей используются в основном традиционные вооруженные силы (регулярные войска). Напротив, в войнах нового поколения (таких, как вооруженные конфликты в Сирии, Ливии, на Украине, а также попытка организации вооруженного мятежа в Казахстане в январе 2022 года) на передний план выступают информационно-психологические операции, экономические санкции, кибератаки, подрывная работа спецслужб, диверсионно-террористическая деятельность, политико-дипломатическое давление и использование сетевых групп. Для традиционных войн эти методы выглядят неклассическими, выходящими за рамки привычных представлений о традиционных вооруженных конфликтах, а сами войны приобретают особый неклассический характер (признаками такой неклассической войны обладают действия коллективного Запада в отношении России на фоне проводимой специальной военной операции на Украине). Перенос в современных войнах основной тяжести вооруженной борьбы из сферы прямых вооруженных столкновений в различные области так называемой «несиловой» борьбы связан ещё и с тем, что прогресс в научно-технической сфере последних десятилетий расширил спектр средств, методов и технологий войны. С их помощью

международные акторы могут достигать военно-политических целей без использования вооруженных сил или с минимальным их участием.

Во-вторых, в условиях глобализации заметно возросла взаимозависимость государств и негосударственных акторов, что существенным образом осложнило прямое использование методов классических войн при разрешении конфликтных ситуаций, споров и противоречий. Наличие у ряда государств ядерного оружия, иных видов оружия массового поражения и стратегического неядерного вооружения способно нанести участникам войны неприемлемый ущерб, что, в свою очередь, делает традиционные вооруженные столкновения делом чрезвычайно рискованным, с непредсказуемым конечным результатом. На этом фоне неклассические формы и методы противоборства (информационные операции спецслужб, «цветные революции», торговые войны), используемые как в военное, так и в мирное время, получают ряд существенных преимуществ и, как следствие, приобретают приоритетное значение для международных акторов.

В-третьих, средства, методы и технологии неклассических войн позволяют акторам действовать вне международного правового поля и институтов (например, Совет Безопасности ООН). Так, в международном праве до сих пор отсутствуют нормы, дающие определение и правовую квалификацию вооруженной агрессии в информационной сфере, что позволяет вести информационные войны и в мирное время; «цветные революции», представляющие собой особые технологии организации государственных переворотов, до сих пор рассматриваются некоторыми исследователями как разновидность «народных восстаний»; торговые и санкционные войны, ставшие для США инструментами давления и шантажа, до сих пор не получили надлежащую правовую оценку международных институтов. Указанные особенности позволяют использовать чрезвычайно опасные методы неклассических войн и в мирное время, при отсутствии обязательного для классических войн прямого вооруженного конфликта.

В-четвёртых, в неклассических войнах активно участвуют негосударственные акторы – международные террористические организации, транснациональные преступные организации, частные военные компании. При этом в неклассических войнах осуществляется активное взаимодействие государственных и негосударственных акторов в разных комбинациях, порождая при этом новые формы консолидации, взаимодействия, объединения усилий и ресурсов ради достижения общих целей, а также гибкость в решении задач на стратегическом и тактическом уровнях. Многие из этих негосударственных акторов используют неклассическую по своей природе тактику ведения боевых действий, чрезвычайно опасную для противника, в роли которого выступают в первую очередь современные национальные государства, и потому нуждающуюся в серьезном научном осмыслении.

В-пятых, применяемые средства, методы и технологии неклассических войн создают угрозу международной безопасности и национальной безопасности России. События на Украине в 2013-2014 гг. («евромайдан») показали, что использование средств, методов и технологий неклассических войн способно нанести ущерб интересам Российской Федерации, поскольку в результате государственного переворота на Украине к власти пришёл антироссийский режим, использованный коллективным Западом против России. Современные неклассические войны, такие как военная операция коалиции западных и некоторых ближневосточных стран в Сирии и действия коллективного Запада против России на фоне проводимой специальной военной операции на Украине, делают ситуацию в мире ещё опаснее, становясь для Российской Федерации источником новых вызовов и угроз¹, для которых эффективные решения по их нейтрализации ещё не выработаны.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. 2021. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/QZw6hSk5z9gWq0pID1ZzmR5cER0g5tZC.pdf> (дата обращения: 25.03.2022).

Все вышеперечисленные факторы в совокупности обуславливают необходимость глубокого научного осмысления феномена неклассических войн и проблем, которые они порождают.

Степень научной разработанности темы исследования. В ходе исследования особенностей неклассических войн использовались научные работы как отечественных, так и зарубежных специалистов в области международных отношений, политологии, конфликтологии, национальной и международной безопасности, социологии и военных наук. В целом все их можно разделить на семь основных групп.

К первой группе относятся работы учёных, внесших вклад в развитие теории международных отношений, военной науки, геополитики и военной стратегии, социологии, кибернетики, теории «ненасильственной борьбы». К ним относятся: Й. Галтунг² – социолог, специалист в области анализа и урегулирования конфликтов; К. фон Клаузевиц³ – военный теоретик; Б. Лиддел Гарт⁴ – военный историк и теоретик, разработавший стратегию непрямых действий; исследованиями «цветных революций» занимался выдающийся отечественный учёный и государственный деятель Примаков Е.М.⁵; русский военный теоретик Свечин А.А.⁶, изучавший взаимосвязь стратегии и политики; древнекитайский стратег и мыслитель Сунь-Цзы⁷; Дж. Шарп⁸ – специалист в области «ненасильственной борьбы»; У. Эшби⁹ – специалист по кибернетике.

Во вторую группу входят работы отечественных авторов, посвящённые «цветным революциям», гибридным войнам, сетевым военным действиям и операциям, технологии «системно-сетевой войны», геополитике:

² Galtung J. Violence, Peace and Peace Research // Journal of Peace Research. – 1969. – V.6. № 3. – P. 167-191.

³ Клаузевиц К. О войне. – М.: Эксмо; Санкт-Петербург: Мидгард, 2007. – 458 с.

⁴ Лиддел Гарт Б.Х. Стратегия непрямых действий. – М.: АСТ, 2018. – 512 с.

⁵ Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Российская газета, 2012. – 414 с.

⁶ Свечин А.А. Стратегия. – М.: Военный вестник, 1927. – 265 с.

⁷ Сунь-Цзы. Искусство войны. – М.: Эксмо, 2021. – 416 с.

⁸ Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. – М.: Новое издательство, 2012. – 84 с.

⁹ Эшби У.Р. Введение в кибернетику. – М.: Иностранная литература, 1959. – 432 с.

Батюк В.И.¹⁰, Кара-Мурза С.Г.¹¹, Манойло А.В.¹², Пономарёва Е.Г.¹³, Попов И.М.¹⁴, Фененко А.В.¹⁵, Цыганков П.А.¹⁶, Цымбурский В.Л.¹⁷.

Третью группу образуют работы зарубежных учёных, военных и государственных деятелей, посвящённые исследованиям «цветных революций», гибридных войн, сетецентрических военных действий. Среди них стоит выделить исследователя гибридных угроз Ф. Хоффмана¹⁸, А. Себровски и Дж. Гарстка¹⁹, заложивших основы теории сетецентрических войн и сетецентрических операций.

В четвертую группу входят исследования в области теории систем, теории сложности и теории хаоса, к которым можно отнести Г. Николиса и Пригожина И.Р.²⁰, П. Бака, К. Визенфельда и Ч. Танга²¹, а также К. Чена²², которые открыли самоорганизованную критичность, лежащую в основе концепции «управляемого хаоса», значимый вклад в которую внёс С. Манн²³.

Для настоящей работы использовались защищённые диссертации, в частности, Ходынской-Голенищевой М.С.²⁴, Дж. Шарпа²⁵, образующие пятую группу.

¹⁰ Батюк В.И. Россия, США и «цветные революции» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2006. – № 8. – С. 15-26.

¹¹ Кара-Мурза С.Г. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили... – М.: Алгоритм, 2005. – 143 с.

¹² Манойло А.В., Стригунов К.С. Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика. – Горячая линия – Телеком Москва, 2020. – 378 с.

¹³ Пономарёва Е.Г. Что такое «цветные революции» и как с ними бороться? // Представительная власть. – 2016. – № 1–2. – С. 26-38.

¹⁴ Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. – 3-е изд., испр. М.: Кучково поле, 2018. – 832 с.

¹⁵ Фененко А.В. «Долгий мир» и ядерное оружие // Россия в глобальной политике. – 2018. – Т. 16. № 6. – С. 99-123.

¹⁶ Цыганков П.А. «Гибридная война»: политический дискурс и международная практика // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2015. – № 4. – С. 253-258.

¹⁷ Цымбурский В.Л. Сверхдлинные военные циклы и мировая политика // Полис. Политические исследования. – 1996. – № 3. – С. 27-55.

¹⁸ Hoffman F. 'Hybrid Threats': Neither Omnipotent Nor Unbeatable // Orbis. – 2010. – V. 54. № 3. – P. 441-455.

¹⁹ Sebrowski A., Garstka J. Network Centric Warfare: Its Origin and Future // Proceedings of the Naval Institute. – 1998. – V. 124. № 1. – P. 28-35.

²⁰ Николис Г., Пригожин И.Р. Самоорганизация в неравновесных системах: от диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации. – М.: Мир, 1979. – 512 с.

²¹ Bak P., Tang Ch., Wiesenfeld K. Self-organized criticality: An explanation of 1/f noise // Phys. Rev. Lett. – 1987. – V. 59. № 4. – P. 381-384.

²² Bak P., Chen K. Self-Organized Criticality // Scientific American. – 1991. – V. 264. № 1. – P. 46-53.

²³ Mann S. Chaos Theory and Strategic Thought // Parameters (US Army War College Quarterly). – 1992. – V. 22. – P. 54-68.

²⁴ Ходынская-Голенищева М.С. Сирийский кризис в трансформирующейся системе международных отношений: дисс. ... доктор. истор. наук: 07.00.15. – М., 2018. – 1047 с.

В шестую группу входят публикации и доклады аналитических структур, включая «мозговые центры» («think tank»).

К седьмой группе относятся публикации в сети Интернет и СМИ.

Источниковая база исследования включает:

– официальные документы и нормативно-правовые акты Российской Федерации; официальные документы иностранных государств и международных организаций; заявления официальных лиц.

Объект исследования – современные неклассические войны в условиях возникновения новых вызовов и угроз.

Предмет исследования – формы, методы, технологии ведения современных неклассических войн.

Цель исследования – выявить формы, методы, технологии ведения современных неклассических войн в условиях новых вызовов и угроз.

Задачи исследования:

- определить сущность и содержание современных неклассических войн;
- выявить и классифицировать формы, методы, субъекты современных неклассических войн;
- выявить угрозы национальной безопасности Российской Федерации, вызванные появлением новых форм неклассических войн;
- определить механизмы неклассических войн с использованием сетевых групп и технологии «венесуэльский прецедент»;
- выявить особенности технологий осуществления внестоличных форм «цветных революций» в современных неклассических войнах;
- предложить практические рекомендации по организации системного противодействия формам и методам неклассических войн.

В теоретико-методологическую базу исследования вошли общенаучные методы анализа, синтеза, дедукции и индукции.

²⁵ Sharp G. The politics of nonviolent action: a study in the control of political power: doctoral dissertation. – University of Oxford, 1968.

К методологической основе исследования относится неореализм, позволивший рассмотреть современные неклассические войны в качестве важного элемента международных отношений как целостной системы, чья структура не сводится к простой сумме её акторов.

В исследовании применялись системный и структурно-функциональный подходы, позволившие рассмотреть «объект-мишень» (государство, негосударственный субъект, наднациональный субъект) как открытую систему, подверженную внешним воздействиям, в том числе с использованием средств, методов и технологий различных форм неклассических войн.

Сравнительный подход и метод case study позволили выявить различия между формами неклассических войн, которые с точки зрения выбранных акторов технологий отличаются между собой, в том числе и по целям, которые ставит перед собой актор.

Использовалась методология классических военно-политических исследований (К. фон Клаузевиц, Б. Лиддел Гарт, Свечин А.А.), в соответствии с которой неклассическая война, равно как и война классическая, рассматривается как продолжение политики иными насильственными средствами, а также методами и технологиями.

В диссертационном исследовании был предложен авторский методологический подход, основанный на теории сложности, общей теории систем, кибернетическом подходе и законе Меткалфа, в соответствии с которым в неклассических войнах вооруженные силы либо вовсе не применяются, либо задействуются весьма ограниченно. Данный подход позволил установить причину синергетического роста эффективности использования сетевым образом организованных людских масс, инструментализируемых для устранения политического режима или оказания на него необходимого влияния сообразно интересам агрессора.

Методология работы определяется характером поставленных цели и задач, а также научными взглядами автора.

Научная новизна результатов диссертационного исследования определяется поставленной в диссертационном исследовании целью и теми задачами, которые решаются в ходе её достижения:

– выявлен системообразующий признак ряда форм неклассических войн в виде синергии применения неинтервенционных элементов насильственного контроля, в первую очередь – сетевых групп, возникающей из-за усложнения управляющей системы, кардинального роста числа и качества управляющих команд, а также эффекта самосинхронизации, чего удалось достичь за счёт использования теорий хаоса и сложности в области стратегии, а также революции в сфере информационно-коммуникационных технологий, в технологиях рефлексивного управления и организационного поведения, вследствие чего актер сумел достигать того же результата, что и в классической войне, но без использования вооруженных сил. Также сформулированы три свойства неклассических войн, базирующихся на использовании людских масс, организованных по сетевому принципу. Из третьего свойства выводится объяснение, почему агрессор не переходит от фазы гибридной войны к «цветной революции»;

– выявлены формы и методы неклассических войн, а также их субъекты; проведена классификация форм и методов неклассических войн, а также субъектов неклассических войн;

– идентифицированы угрозы национальной безопасности Российской Федерации, создаваемые новейшими методами и технологиями неклассических войн;

– выявлена технология демонтажа политического режима в Боливии, итогом применения которой стало вынужденное бегство Э. Моралеса в Мексику; выявлена и алгоритмизирована новая технология государственных переворотов, апробированная США в Венесуэле, получившая название «венесуэльский прецедент», и впоследствии интегрированная с технологией «цветной революции» в Белоруссии; дано объяснение возможности реализации технологии внестоличной «цветной революции» на примере событий в

Гонконге (2019-2020 гг.), основная цель применения которой состояла в принуждении китайского руководства к подписанию новой торговой сделки с США на невыгодных для Китая условиях; вскрыт механизм технологии, близкой к «цветной революции», ядром которой выступили движения «Black Lives Matter» и Antifa, осуществленной для недопущения Д. Трампа на второй президентский срок; дано определение миграционному оружию, вскрыты его поражающие факторы и технологические особенности;

– предложены меры по организации противодействия полномасштабной неклассической войне, осуществляемой коллективным Западом против России.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Глобализация, угроза гарантированного взаимоуничтожения и удорожание вооружения и военной техники привели к коренному изменению стратегического мышления через рассмотрение пространства международных отношений и вооружённых сил в виде сложных адаптивных систем, к которым применимы теории сложности, хаоса и самоорганизованной критичности. Это позволило создать базу для перехода к воздействию на международные процессы и управлению войсками на основе концепции «управляемого хаоса» и сетцентрического принципа управления. Благодаря революции в информационно-коммуникационных и сетевых технологиях и использованию технологий рефлексивного управления, а также исследований в области организационного поведения оказалось возможным внедрение концепции «управляемого хаоса» на практике, что особенно проявилось в кардинальном повышении эффективности применения неинтервенционных элементов насильственного контроля и прежде всего групп людей, организованных сетевым образом (сетевых групп). Следствием этого для агрессора стало возможным достигать того же результата, что и в классической войне, но без использования (или крайне ограниченного использования) вооружённых сил.

2. Критерием, в соответствии с которым классифицируются формы неклассических войн, выступают сетевые группы (протестные движения, иррегулярные парамилитарные формирования) – их наличие или отсутствие. К

формам неклассических войн, в основе которых лежит использование сетевых групп, в данном исследовании относятся, в частности, «цветные революции», «мятежевойна», гибридные войны, «сетевая война», «системно-сетевая война», «квазивойна». К формам неклассических войн, где не используются сетевые группы, относятся: информационные (информационно-психологические) войны; когнитивные войны; ментальные войны; кибервойны; «венесуэльский прецедент»; неклассические войны, основанные на применении миграционного оружия. Выделяются формы неклассических войн смешанного типа. В зависимости от принадлежности к тому или иному типу международных акторов классифицируются субъекты неклассических войн. К субъектам неклассических войн относятся: государственные акторы; негосударственные акторы; субъекты смешанного типа (государственные и негосударственные акторы, действующие совместно для достижения общих целей).

3. Как показал «евромайдан» на Украине в 2013-2014 гг. и действия коллективного Запада после начала проведения специальной военной операции Вооруженными Силами Российской Федерации на Украине, методы и технологии неклассических войн представляют собой фундаментальную угрозу для национальной безопасности Российской Федерации. Особо опасными являются действия в информационно-психологической сфере, активация массированных экономических санкций, массовый заброс наёмников в зону конфликта и использование киевского режима, его войск и неонацистских формирований в прокси-войне против Вооруженных Сил Российской Федерации. Запад во главе с США стремится затянуть конфликт, нанести как можно больший военный урон российским войскам, синхронизировав данный результат с усилением санкционного прессинга для создания синергетического разрушительного воздействия на общественно-экономическую систему России.

4. Сформулированы три свойства неклассических войн, в основе которых лежит использование сетевых групп. Применение неклассической войны в форме «цветных революций», в которых применяются сетевые группы, в октябре 2019 года в Боливии привело к государственному перевороту и

свержению Э. Моралеса. Движения «Black Lives Matter» и Antifa стали основным инструментом в технологии, близкой к «цветной революции», применённой в США политическими противниками Д. Трампа. К современным технологиям демонтажа политических режимов относятся: «венесуэльский прецедент» (2019 г.) – попытка устранения руководства Венесуэлы, когда один из лидеров местной оппозиции Х. Гуайдо был признан США и их союзниками «президентом», всё имущество и доли в собственности правительства Венесуэлы на территории США были заблокированы, а сама попытка государственного переворота финансировалась за счёт «государства-мишени»; комбинированная технология демонтажа политического режима в Белоруссии. К особенностям современных типов «цветных революций» и комбинированных технологий демонтажа политических режимов относится использование управляемых протестных движений в виде аморфно-роевых групп, для организации которых не обязательно использование площадей («майданов»). Кроме того, применяется триггерный механизм активации широкомасштабных управляемых акций протеста, используемых в качестве основного инструмента демонтажа неугодного политического режима.

5. В неклассических войнах цели актора могут быть ограниченными, что продемонстрировали события в Гонконге (2019-2020 гг.). Организованные в Гонконге беспорядки в 2019 году являлись формой внестоличной «цветной революции», важнейшая цель которой состояла в принуждении Китая принять новую торговую сделку на невыгодных для него условиях, одновременно выступая и как элемент сдерживания инициативы «Один пояс – один путь». События в Гонконге продемонстрировали, что в отношении государства («объекта-мишени») с большой территорией возможна организация синхронно или последовательно инициируемых извне управляемых насильственных протестных движений сразу в нескольких регионах для создания разрушительного синергетического и кумулятивного воздействия на это государство в интересах внешнего актора.

6. Для системного противодействия средствам, методам, технологиям неклассических войн целесообразно: создание единой системы противодействия в информационно-психологической сфере; переход к проактивным действиям в информационно-психологической сфере для максимизации урона противнику при минимизации рисков для государственных и общественных институтов России; переход к стратегии не прямых действий; ставка на использование средств, методов, технологий неклассических войн, которые позволят избежать рисков классической войны и достигнуть тех же политических целей, которые достигаются по результатам классической войны; привлечение других незападных государств, также стремящихся к сохранению своего суверенитета, для коалиционного противодействия средствам, методам, технологиям неклассических войн, применяемым коллективным Западом против них.

Теоретическая значимость результатов исследования определяется актуальностью темы и состоит в выявленных системообразующих признаках форм неклассических войн, которые базируются на использовании сетевых групп, технологии «венесуэльский прецедент». Сформулированы три свойства неклассических войн, основанных на применении сетевых групп. Вместе с тем исследования протестных событий в Белоруссии, Боливии, Венесуэле, Гонконге (Китай), Сирии, США, на Украине позволили существенно расширить представления о современных формах неклассических войн и применяемых в них технологиях. Кроме того, вскрыт механизм использования миграционных масс в качестве эффективного оружия (кризис в странах ЕС 2015-2016 гг.), за счёт использования которого возможно достижение стратегических целей (в первую очередь политических). Теоретические результаты диссертационного исследования позволили существенно расширить современные представления о формах, методах, технологиях неклассических войн.

Практическая значимость результатов исследования обусловлена возможностью их использования в деятельности федеральных органов

государственной власти и компетентных ведомств, отвечающих за обеспечение национальной безопасности Российской Федерации по линии организации противодействия современным формам политической дестабилизации, деструктивного иностранного информационно-психологического воздействия, «цветных революций» и иных форм неклассических войн. Также результаты диссертационного исследования применимы в учебном процессе в высших учебных заведениях при подготовке специалистов по направлениям «политология», «конфликтология», «международные отношения», «международная безопасность», «национальная безопасность».

Соответствие содержания диссертации паспорту научной специальности. Диссертация соответствует следующим направлениям исследований, указанным в паспорте научной специальности

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования:

2. Субъекты международных отношений. Деятельность государственных и негосударственных акторов. Формальные и неформальные институты в международных отношениях и в мировой политике. Формирование и реализация внешнеполитических стратегий, концепций и доктрин.

7. Международная безопасность. Системы глобальной и региональной безопасности. Военная сила в международных отношениях. Вызовы, риски, опасности и угрозы.

8. Международные кризисы и конфликты.

15. Демографические и миграционные процессы в международных отношениях и мировой политике.

17. Информационные, когнитивные, био- и другие новые технологии в международных отношениях и мировой политике.

19. Российская Федерация в системе международных отношений.

Достоверность полученных результатов исследования обеспечивается обоснованностью и выверенностью теоретико-методологической базы исследования; использованием адекватных предмету, цели и задачам исследования методов; использованием надёжных и проверенных критериев

качественной оценки полученных результатов и выводов; опорой на верифицируемые научные источники информации.

Апробация результатов исследования. Диссертация была обсуждена на заседании кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова и рекомендована к защите. Материалы диссертации изложены в 23 научных публикациях, в том числе в 6 научных журналах, индексируемых в Web of Science, Scopus и RSCI, в 8 журналах, включенных в список научных изданий, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук, в 6 журналах, входящих в Перечень ВАК при Минобрнауки России, а также в 3 монографиях.

Общий объем статей и монографий, опубликованных по теме диссертационного исследования, – 83,615 п.л. (доля соискателя – 35,01 п.л.).

Структура исследования определяется логикой исследования, соответствием его цели и задачам. Диссертация состоит из введения, двух глав, десяти параграфов, заключения и библиографии из 465 наименований, который включает литературу, документы и список использованных источников.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, указываются степень научной разработанности темы исследования и источниковая база исследования, определяются объект и предмет исследования, обозначается цель и вытекающие из неё задачи исследования, изложена теоретико-методологическая база исследования, обосновывается научная новизна результатов диссертационного исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, указываются теоретическая и практическая значимость результатов исследования, приводится соответствие содержания диссертации паспорту научной специальности, достоверность полученных результатов исследования, апробация результатов исследования и структура исследования.

В **первой главе «Теоретические и методологические аспекты исследования современных неклассических войн»** уточняется понятийный аппарат, анализируются научные (включая современные) подходы к изучаемой проблеме, излагается авторский методологический подход, приводится классификация неклассических войн и их участников, неклассические войны определяются как угрозы для национальной безопасности Российской Федерации.

В **параграфе 1.1 «Неклассические войны как объект политологического анализа»** автором вводится понятийный аппарат, в соответствии с которым войны разделяются на классические и неклассические.

Любые войны, где для достижения целей использовали в первую очередь прямую военную силу (с помощью армий), вне зависимости от исторической эпохи, относятся к классическим, например: Пелопоннесская война, Пунические войны, Столетняя война, Русско-литовские войны, Итальянские войны, Северная война, Наполеоновские войны, Крымская война, Опиумные войны, Гражданская война в США, Первая мировая война, Гражданская война

в России, Вторая мировая война, Ирано-иракская война. Под неклассической войной понимается вооружённый конфликт, в котором основным инструментом достижения военных целей выступают неинтервенционные элементы насильственного контроля. Под неинтервенционными элементами насильственного контроля понимаются его составляющие, не относящиеся к применению собственно вооруженных сил: информационно-психологические операции, кибероперации, санкции, торговые войны, применение сетевых групп (протестные движения, иррегулярные формирования), подрывная работа спецслужб, использование НКО и НПО, работающих в интересах нападающей стороны. По мнению автора, если в классических войнах неинтервенционные элементы насильственного контроля выполняли второстепенную роль, то в неклассических войнах их роль доминирующая. «Цветные революции», гибридные войны, «системно-сетевая война», «мятежевойна» в диссертационном исследовании рассматриваются как формы неклассических войн.

Эволюция представлений о неклассических войнах в исследовании была разделена на три этапа: ранний (1960–1980-е гг.), средний (начало 1990-х гг. – конец 2000-х гг.) и современный (начало 2010-х гг. – настоящее время). К концу 2010-х годов начали формироваться единая система описания и понятийный аппарат для разных форм неклассических войн. Отличия современных неклассических войн от «частных войн», например, Нового времени, которые велись небольшими войсковыми группами, заключаются в средствах, методах и технологиях их организации. До последней четверти XX века отсутствовали информационно-коммуникационные и сетевые технологии, а также технологии рефлексивного управления и организационного поведения, с помощью которых организуются современные иррегулярные формирования, являющиеся разновидностью сетевых групп. Данные формирования не являются армиями (регулярными войсками), но задействуются для достижения военных и, как следствие, политических целей вместо них. При этом современные войны архаизируются, больше напоминая войны раннего Нового

времени, чем мировые войны XX века, однако современные войны ведутся на более высоком организационно-технологическом уровне, в новых исторических и геополитических условиях, с несвойственной войнам прошлого (до последней четверти XX века) спецификой.

В параграфе 1.2 «Современные научные подходы к исследованию неклассических войн» автором описаны четыре основных направления в исследованиях неклассических войн: исследования и дискуссии вокруг информационных (информационно-психологических), «ментальных», «когнитивных» и «кибер» войн; дискуссии о «цветных революциях» и соотношении их с другими формами неклассических войн; исследования гибридных войн; исследования сетцентрических войн и «технологии системно-сетевой войны»²⁶.

Разработка новейших средств, методов и технологий неклассических войн, альтернативных классическим войнам, велась со второй половины XX века, когда сформировалась новая система взглядов, а также новые методы и технологии, благодаря которым оказалось возможно достигать насильственного контроля над «объектом-мишенью», не прибегая к методам и технологиям классических войн, которые несли в себе неприемлемые для актора военно-политические и экономические риски. В неклассических войнах вооружённые силы либо не используются, либо используются ограниченно. Методы и технологии неклассических войн, в основе которых лежит использование сетевых групп, базируются на теории сложности, теории систем и теории хаоса, а также на информационно-коммуникационных и сетевых технологиях, рефлексивном управлении и организационном поведении, что позволяет задействовать сетевые группы и другие неинтервенционные элементы насильственного контроля с достижением синергии и синергетического эффекта. Как следствие, средствами, методами и технологиями неклассических войн, прежде всего основанных на использовании сетевых групп, достигаются

²⁶ «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / Под ред. П.А. Цыганкова, А.Ю. Шутова. – М.: Издательство Московского университета, 2015. – 384 с.; Cebrowski A., Garstka J. Network Centric Warfare: Its Origin and Future // Proceedings of the Naval Institute. – 1998. – V. 124. № 1. – P. 28-35.

те же цели, что и в классических войнах, но при отсутствии рисков классических войн.

В параграфе 1.3 «Классификация форм и методов ведения современных неклассических войн» приводится критерий классификации форм и методов ведения современных неклассических войн. Данным критерием выступает наличие или отсутствие сетевых групп.

Неклассические войны, основанные на использовании сетевых групп, позволяют достигать результата как в классической войне, но при отсутствии неприемлемых военных, политических, экономических и репутационных рисков, характерных для классических войн. Автор отмечает, что другие формы неклассических войн также в состоянии нанести серьёзный ущерб «объекту-мишени», однако в них не задействуют сетевые группы в качестве основного неинтервенционного элемента насильственного контроля.

В параграфе 1.4 «Классификация субъектов современных неклассических войн» приводится критерий классификации субъектов современных неклассических войн, в соответствии с которым субъекты различаются в зависимости от того, к какому типу международных акторов они относятся.

Автор показывает, что новейшие формы неклассических войн нуждаются в дальнейших исследованиях, поскольку они несут в себе угрозы национальной безопасности России и другим акторам международных отношений, например Сирии²⁷. Вместе с этим необходимы дополнительные исследования применения средств, методов и технологий неклассических войн такими странами, как Израиль, Иран, Китай, Россия, Франция. Кроме того, важно сравнить между собой средства, методы и технологии неклассических войн Израиля, Ирана, Китая, России, США и Франции.

В параграфе 1.5 «Неклассические войны как угроза национальной безопасности Российской Федерации» показано, что полномасштабная

²⁷ Альбисса М.А. Проблема Идлиба: стратегия и тактика ключевых игроков, причины обострения ситуации на современном этапе // Горизонты гуманитарного знания. – 2020. – № 2. – С. 45-57.

неклассическая война, развязанная коллективным Западом против России после начала специальной военной операции на Украине, демонстрирует фундаментальную угрозу, которую представляют собой средства, методы и технологии неклассических войн для национальной безопасности России.

Во второй главе **«Особенности ведения современных неклассических войн»** автором анализируются конкретные технологии неклассических войн (в частности, «цветные революции», «венесуэльский прецедент»²⁸, применение миграционного оружия) на конкретных примерах, а также предлагаются меры противодействия средствам, методам и технологиям неклассических войн в интересах Российской Федерации.

В параграфе 2.1 **«Технологии использования сетевых групп в современных неклассических войнах»** рассматриваются технологии использования сетевых групп в современных неклассических войнах и их свойства. По мнению автора, к формам неклассических войн, в основе которых лежит использование сетевых групп относится боливийский случай. В октябре 2019 года совместными усилиями ультраправых группировок, военных и полиции при поддержке извне в Боливии был свергнут президент Э. Моралес. Силловые ведомства, рекомендовав Э. Моралесу покинуть президентский пост, также оказали прямое давление на президента. Суммарный эффект привёл к отстранению лидера Боливии от власти. Случай с Боливией продемонстрировал, что масштабная карательная-террористическая операция «Кондор», проводившаяся в 70-80-е годы XX века в ряде стран Латинской Америки под общим патронажем и координацией США, не закончилась, а трансформировалась в соответствии с новыми условиями, методами и технологиями неклассических войн.

По мнению автора, в США в 2020 году применялась технология форм неклассических войн, в основе которых лежит использование сетевых групп. Ядром данной технологии стали движения «Black Lives Matter» и Antifa,

²⁸ Манойло А.В., Стригунов К.С. Технологии демонтажа чавистов: венесуэльский прецедент // Актуальные проблемы Европы. – 2020. – № 1. – С. 213-237.

которые были задействованы силами близкими к Демократической партии против Д. Трампа. Данный случай продемонстрировал, как технологии «цветных революций» могут применяться в государстве, чье руководство само использовало эти технологии против неудобных режимов в других странах. Ключевая разница состоит в том, что в случае с «Black Lives Matter» одна часть политических сил США использовала левые и левоанархические группировки с неиерархическим децентрализованным типом организации против Д. Трампа и сил, стоящих за ним.

В параграфе 2.2 «Технологии демонтажа современных политических режимов» к технологиям демонтажа современных политических режимов автор отнёс технологию, применённую в Венесуэле в 2019 году («венесуэльский прецедент»). В её основе следующий алгоритм: 1) лидер оппозиции заявляет о себе как о президенте; 2) после этого следует его признание «президентом» со стороны США; 3) следом за США аналогичным образом поступают их страны-сателлиты; 4) затем на имущество и банковские счета «объекта-мишени» накладывается арест; 5) к замороженным активам государства США предоставляют ограниченный доступ признанному ими президенту и его ближайшим сторонникам; 6) аналогичным образом поступают и западные сателлиты США; 7) при помощи указанных средств оппозиция финансирует саму себя, а вместе с этим и подрывную деятельность в отношении политического руководства; 8) американские ведомства вводят секторальные санкции в отношении «объекта-мишени», чем усугубляется социально-экономическая ситуация (например, из-за гиперинфляции); 9) экономический коллапс приводит к массовому оттоку людей из «государства-мишени», чем подрывается социальная опора власти; 10) в стране создаются новые условия для массовых протестов, которые на начальном этапе отвлекают на себя внимание демонтируемого режима, дезориентируя его; 11) данные меры провоцируют раскол внутри политического руководства; 12) одним из возможных сценариев становится появление человека в окружении лидера государства, где осуществляется переворот, который способен стать одним из

тех, кто под гарантии личной безопасности вынудит действующего главу государства передать власть «преемнику».

По мнению автора, примером комбинации технологий «цветных революций» и «венесуэльского прецедента» являлась попытка государственного переворота в Белоруссии (2020 г.)²⁹. Технологии организации протестов в Белоруссии схожи с технологиями, использованными в Гонконге (2019-2020 гг.). При этом в Белоруссии, Боливии, Гонконге (Китай) и США организация протестных групп осуществлялась не с помощью выступлений на площадях, а через создание аморфно-роевых групп. Кроме того, при демонтаже политических режимов применялись триггерные механизмы активации протестов. В Боливии в качестве главного триггера выступила Организация американских государств, заявившая о якобы имевших место фальсификациях на выборах президента Боливии (2019 г.). В Белоруссии также активно применялась превентивная делегитимизация выборов, с помощью которой население готовилось к заявлениям о фальсификациях на выборах 2020 года, которые стали триггером активации управляемых извне протестов.

В параграфе 2.3 «Технологии многоуровневого воздействия на «государства-мишени»» автор показывает, что одной из важных особенностей современных форм неклассических войн является то, что чаще всего их главной целью является не тот «объект-мишень», на который нападающая сторона оказывает непосредственное воздействие, а «объект-мишень» более высокого уровня приоритета. Через дестабилизацию обстановки в «объекте-мишени» I-го уровня приоритета создается больше условий для дестабилизации ситуации в государствах II-го и III-го уровней приоритета. Примером такого воздействия выступают события на Украине, где Украина – «объект-мишень» I-го уровня приоритета, а Россия – «объект-мишень» II-го уровня приоритета. Автор показывает данную особенность неклассических войн и на примере миграционного кризиса в ЕС (2015-2016 гг.), где релокация мигрантов была

²⁹ Евстафьев Д.Г., Манойло А.В. Генезис современных цветных революций (на примере Венесуэлы и Белоруссии) // Дипломатическая служба. – 2021. – № 1. – С. 50-61.

управляемой и наносила комплексный ущерб европейским странам («объекты-мишени» I-го уровня приоритета). Делается вывод, что речь идёт об использовании миграционного оружия государственными ведомствами, НПО и транснациональными корпорациями, основная цель применения которого состояла в запуске «распада ЕС» («объект-мишень» II-го уровня приоритета) через инициацию Brexit. Автор показывает, что воздействие на «объект-мишень» через неклассические войны различается и в зависимости от степени его деструктивности – от минимального (незначительный спад в экономике) до катастрофического (массовая гибель населения, масштабные разрушения инфраструктуры, прекращение существования государства).

В параграфе 2.4 «Внестоличные формы осуществления «цветных революций»» автор показывает, что инициаторы внестоличной «цветной революции» в Гонконге (2019-2020 гг.) не преследовали цель свергнуть власть Коммунистической партии Китая. Технология являлась частью комплексного воздействия США на Китай с целью затормозить его рост и в пределе нейтрализовать как стратегического противника и конкурента³⁰. Проведено сравнение событий в Гонконге (Китай) с рядом других случаев (Армения, Белоруссия, Боливия, Украина). Сделан вывод о том, что в странах с большой площадью территорий возможна активация протестов сразу в нескольких проблемных административно-территориальных образованиях «объекта-мишени» с достижением кумулятивного и синергетического эффекта при суперпозиции воздействия от беспорядков, синхронно и/или последовательно инициированных как минимум в нескольких регионах. События в Гонконге демонстрируют, что захват власти в государстве с помощью «цветных революций» является лишь одной из возможных целей их инициаторов.

В параграфе 2.5 «Практические рекомендации по организации системного противодействия формам и методам неклассических войн» для противодействия средствам, методам, технологиям неклассических войн

³⁰ Манойло А.В., Стригунов К.С. Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика. – М.: Горячая линия-Телеком, 2020. – 378 с.

автором предлагается: создать в России единую систему противодействия агрессии, прежде всего в информационно-психологической сфере; уйти от технологической и товарной зависимости в критически важных секторах экономики; осуществить системные меры по диверсификации экономики и уходу от сырьевой зависимости; проводить проактивную стратегию в отношении недружественных акторов, осуществляющих против России полномасштабную неклассическую войну. Автор акцентирует внимание на том, что важно создать коалицию с теми акторами, которые заинтересованы в совместном противодействии агрессии со стороны коллективного Запада.

В заключении сформулированы основные выводы по результатам диссертационного исследования.

1. Фундаментальное отличие неклассических войн от классических войн состоит в переносе акцента с применения вооруженных сил на использование неинтервенционных элементов насильственного контроля, которые в неклассических войнах выполняют главную роль. Переходу международных акторов, прежде всего государств, к формам неклассических войн способствовали изменения в стратегическом мышлении, применение теорий сложности, хаоса и самоорганизованной критичности, а также революция в сфере информационно-коммуникационных и сетевых технологий, рефлексивного управления и организационного поведения.

2. Исследования неклассических войн на современном этапе автор делит на четыре основных направления. Первое относится к исследованиям и дискуссиям вокруг информационно-психологических, «ментальных», «когнитивных» и «кибер» войн. Второе направление связано с исследованиями «цветных революций» и соотношения их с другими формами неклассических войн. Исследования гибридных войн образуют третье направление. К четвертому направлению относятся исследования сетцентрических войн (военных действий) и «технологии системно-сетевой войны». С помощью авторского методологического подхода показано, что с помощью средств, методов и технологий неклассических войн, в основе которых лежит

использование сетевых групп, возможно достигать тех же военно-политических целей, что и в классических войнах, вследствие: изменений в стратегическом мышлении, прежде всего, военно-политического руководства США; кардинального увеличения количества и качества управляющих команд; возникновения синергетического эффекта от применения всех неинтервенционных элементов насильственного контроля, в том числе людских масс, организованных по сетевому принципу. Однако технология «венесуэльский прецедент» используется для демонтажа политических режимов без сетевых групп, за счёт «государства-мишени» и с признанием одного из лидеров оппозиции в качестве «президента», чем инициируется раскол в военно-политическом руководстве данного государства и усугубляется социально-экономический кризис.

3. Критерием классификации форм неклассических войн выступают сетевые группы – их наличие или отсутствие. К формам неклассических войн, в основе которых лежит использование сетевых групп, относятся, в частности: «цветные революции», «мятежевойна», гибридные войны, «сетевая война», «системно-сетевая война», «квазивойна». К формам неклассических войн, где не используются сетевые группы, относятся: информационно-психологические войны; когнитивные войны; ментальные войны; кибервойны; «венесуэльский прецедент»; неклассические войны, основанные на применении миграционного оружия. При этом существуют смешанные формы неклассических войн.

4. Критерием классификации субъектов современных неклассических войн выступает их принадлежность к тому или иному типу международных акторов. Выделяются три типа субъектов: государственные акторы; негосударственные акторы; субъекты смешанного типа. Автором отмечается, что необходимы дополнительные исследования средств, методов и технологий неклассических войн, применяемых разными субъектами.

5. Новейшие средства, методы и технологии неклассических войн представляют собой фундаментальную угрозу национальной безопасности России, что особенно проявилось на фоне проведения специальной военной

операции на Украине. Коллективный Запад задействует киевский режим в качестве основного инструмента для нанесения России военного поражения, оказывая поддержку Вооруженным силам Украины вооружением, военной техникой и предоставляя разведданные. Параллельно осуществляются беспрецедентная информационная антироссийская кампания, кибератаки на объекты критической и социальной инфраструктуры России, которые сочетаются с беспрецедентными экономическими санкциями.

6. Сетевые группы являются ключевым неинтервенционным элементом насильственного контроля в некоторых формах современных неклассических войн. Примерами их применения, в частности, выступают боливийский случай (2019 г.) и события в США (2020 г.), где движения «Black Lives Matter» и Antifa использовались с целью не допустить Д. Трампа на второй президентский срок.

7. В Венесуэле американскими спецслужбами была опробована новая технология государственного переворота («венесуэльский прецедент»), в которой инициатор попытки государственного переворота и его союзники признали лидера оппозиции Х. Гуайдо «президентом» страны, банковские счета Центрального банка Венесуэлы были заморожены и частично переданы этому лидеру оппозиции, то есть попытка государственного переворота осуществлялась за счёт «государства-мишени». Технология «венесуэльский прецедент» продемонстрировала каскадные эффекты, которые расширяют спектр возможностей агрессора по демонтажу неугодного режима. Речь идёт о провальной операции «Гедеон» – попытке силового свержения чавистов (3 мая 2020 г.), в которой принимали участие наёмники американской ЧВК «Silvercorp», венесуэльские дезертиры и наркоторговцы при ограниченной помощи американского правительства и венесуэльской оппозиции.

События в Белоруссии в 2020 году показали, что технология «венесуэльский прецедент» может быть интегрирована с технологиями «цветных революций». При этом в новейших технологиях демонтажа политических режимов практически не применяются городские площади для

организации управляемых протестных движений. Для активации протестов задействуется и триггерный механизм, для чего используется технология превентивной делегитимизации выборов (например, в Белоруссии, Венесуэле).

8. Демонтаж неудобного режима чаще всего является целью самого низкого приоритета. Подлинными целями нападающей стороны могут быть «объекты-мишени» (государства, наднациональные структуры), по которым наносится косвенный (каскадный) удар. Примером этому является миграционный кризис в ЕС (2015-2016 гг.), когда в европейские страны («объекты-мишени» I-го уровня приоритета) были направлены миграционные массы, что привело к Brexit и активации «распада ЕС» («объект-мишень» II-го уровня приоритета). Стратификация осуществляется и по уровням деструктивного воздействия на «объект-мишень» средствами, методами и технологиями неклассических войн.

9. Внестоличная «цветная революция» в Гонконге (2019-2020 гг.) показала, что такого рода технологии можно применять для ограниченных целей. Так, администрация Д. Трампа развязала торговую войну, принуждая Китай принять новую торговую сделку на невыгодных для Китая условиях, дестабилизируя ситуацию в Гонконге. Автор делает вывод, что необходимы дальнейшие исследования угроз для КНР, создаваемых средствами, методами и технологиями неклассических войн, особенно с учётом размеров государства, а также его политической и социокультурной специфики.

10. По мнению автора, контрмеры России по противодействию средствам, методам и технологиям неклассических войн должны включать: создание единой системы противодействия информационной (информационно-психологической) войне; диверсификацию экономики и уход от сырьевой зависимости; реальное импортозамещение в наиболее важных отраслях и технологиях; переход к наступательной стратегии при противодействии средствам, методам и технологиям неклассических войн; сотрудничество с теми странами, которые также подвергаются агрессии с использованием средств, методов и технологий неклассических войн.

III. СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные результаты, положения и выводы диссертации опубликованы в 23 научных работах автора общим объемом 83,615 п.л. (доля соискателя – 35,01 п.л.):

Статьи в журналах, индексируемых в Web of Science и/или Scopus:

1. Strigunov K.S., Manoilo A.V., Rozhin B.A., Simons G. Energy market wars as a factor of military-political escalation in Eastern Mediterranean region: A Russian perspective // Cogent Social Sciences. – 2022. – Vol. 8. – № 1. – P. 1-17. (1,9 п.л. / доля соискателя – 0,475 п.л.). ИФ WoS – 0,670; SJR – 0,358.

2. Стригунов К.С., Манойло А.В. Переворот в Боливии: внутренние и внешние факторы // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 466. – С. 131-142. (1,44 п.л. / доля соискателя – 0,72 п.л.). ИФ WoS – 0,100.

3. Стригунов К.С., Манойло А.В., Пономарёва Е.Г. Перспективы денуклеаризации КНДР // Международные процессы. – 2019. – Т. 17. – № 3 (58). – С. 99-119. (2,35 п.л. / доля соискателя – 0,78 п.л.). ИФ WoS – 0,250; SJR – 0,327.

4. Манойло А.В., Стригунов К.С. Геополитическая напряженность вокруг Ирана в локальном, региональном и глобальном контекстах // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2019. – Т. 10. – № 11. URL: <https://history.jes.su/s207987840008089-6-1/>. (2,5 п.л. / доля соискателя – 1,25 п.л.). ИФ WoS – 0,310; SJR – 0,196.

Статьи, опубликованные в журналах, индексируемых в RSCI:

5. Стригунов К.С., Безвербный В.А. Современные проблемы политической демографии и вопросы безопасности // Вестник Московского

университета. Серия 12: Политические науки. – 2020. – № 3. – С. 21-38. (1,16 п.л. / доля соискателя – 0,58 п.л.). ИФ РИНЦ – 0,609.

6. Манойло А.В., Стригунов К.С. Технология демонтажа чавистов: венесуэльский прецедент // Актуальные проблемы Европы. – 2020. – № 1 (105). – С. 213-237. (1,17 п.л. / доля соискателя – 0,585 п.л.). ИФ РИНЦ – 0,615.

***Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях,
рекомендованных для защиты в диссертационном совете
МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности и отрасли наук:***

7. Стригунов К.С. Контрмеры России в геокультурном конфликте с коллективным Западом // Гражданин. Выборы. Власть. – 2023. – № 1 (27). – С. 126-142. (1,12 п.л. / доля соискателя – 1,12 п.л.). ИФ РИНЦ – 0,477.

8. Стригунов К.С., Манойло А.В., Петренко А.И. Наркоиндустрия: от локальных банд до транснациональных преступных организаций (на примере стран Латинской Америки) // Вестник Московского государственного областного университета. – 2022. – № 3. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/1112> (1,1 п.л. / доля соискателя – 0,37 п.л.). ИФ РИНЦ – 1,205.

9. Ромачев Р.В., Стригунов К.С., Го Фэнли. Политика аутсорсинга разведывательных услуг в США // Международная жизнь. – 2022. – № 6. – С. 58-65. (0,46 п.л. / доля соискателя – 0,15 п.л.). ИФ РИНЦ – 0,311.

10. Стригунов К.С., Манойло А.В., Го Фэнли. Фейковые новости и технология превентивной делегитимизации выборов // Гражданин. Выборы. Власть. – 2022. – № 2 (24). – С. 98-109. (0,76 п.л. / доля соискателя – 0,25 п.л.). ИФ РИНЦ – 0,477.

11. Стригунов К.С., Манойло А.В. Стратегия «Шах и мат Мадуро» как источник операции «Гедеон» // Международная жизнь. – 2021. – № 3. – С. 56-71. (1,1 п.л. / доля соискателя – 0,55 п.л.). ИФ РИНЦ – 0,311.

12. Манойло А.В., Стригунов К.С. Операция «Гедеон»: успех венесуэльских или американских спецслужб? // Международная жизнь. – 2020. – № 11. – С. 64-79. (1,22 п.л. / доля соискателя – 0,61 п.л.). ИФ РИНЦ – 0,311.

13. Манойло А.В., Стебнева А.В., Стригунов К.С. Иранский фактор вступления России в сирийскую войну: причины и стратегические риски // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2020. – Т. 10. – № 12 (69). – С. 2883-2893. (0,65 п.л. / доля соискателя – 0,21 п.л.). ИФ РИНЦ – 0,261.

14. Стригунов К.С., Манойло А.В. Кризис в Венесуэле и раскол внутри чавистского руководства // Вестник Московского государственного областного университета. – 2019. – № 4. – С. 57-73. (1,0 п.л. / доля соискателя – 0,5 п.л.). ИФ РИНЦ – 1,205.

Статьи в журналах из Перечня ВАК при Минобрнауки России:

15. Стригунов К.С. Стратегические риски, препятствующие ядерной войне между Китаем и США // Мировая политика. – 2022. – № 4. – С. 58-87. (2,56 п.л. / доля соискателя – 2,56 п.л.). ИФ РИНЦ – 0,400.

16. Манойло А.В., Стригунов К.С. Картели и ополчения Бразилии в системе современных гибридных войн // Дипломатическая служба. – 2021. – № 6. – С. 528-543. (1,34 п.л. / доля соискателя – 0,67 п.л.). ИФ РИНЦ – 0,270.

17. Манойло А.В., Петренко А.И., Стригунов К.С. Технологии делегитимации выборов 2021 года в Государственную Думу Российской Федерации // Избирательное законодательство и практика. – 2021. – № 3. – С. 30-32. (0,2 п.л. / доля соискателя – 0,06 п.л.). ИФ РИНЦ – 0,632.

18. Стригунов К.С., Манойло А.В. Технологии информационных операций, привязанных к политически значимым событиям // Гражданин. Выборы. Власть. – 2021. – № 1 (19). – С. 161-171. (0,7 п.л. / доля соискателя – 0,35 п.л.). ИФ РИНЦ – 0,477.

19. Стригунов К.С., Манойло А.В. Фундаментальный механизм и законы неклассической войны // Гражданин. Выборы. Власть. – 2019. – № 4 (14). – С. 157-193. (2,5 п.л. / доля соискателя – 1,25 п.л.). ИФ РИНЦ – 0,477.

20. Стригунов К.С. Наркокартели и системно-сетевая война на примере стран Латиноамериканского региона // Национальная безопасность / nota bene. – 2018. – № 4 (57). – С. 43-56. (1,325 п.л. / доля соискателя – 1,325 п.л.). ИФ РИНЦ – 0,907.

Монографии:

21. Манойло А.В., Петренко А.И., Рожин Б.А., Стригунов К.С. Фейки: анатомия лжи. – М.: Горячая линия-Телеком, 2021. – 384 с. (18,46 п.л. / доля соискателя – 4,615 п.л.).

22. Стригунов К.С., Манойло А.В., Безвербный В.А. Фейки, вбросы, государственные перевороты и демографические войны. – М.: Горячая линия-Телеком, 2021. – 408 с. (19,6 п.л. / доля соискателя – 6,53 п.л.).

23. Манойло А.В., Стригунов К.С. Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика. – М.: Горячая линия-Телеком, 2020. – 378 с. (19,0 п.л. / доля соискателя – 9,5 п.л.).